

О.В. Мансков

Тарент и варвары до 460 г. до н.э.

Тарент, греческая колония на юге Апеннинского полуострова, была основана в 705 г. до н.э. переселенцами из Спарты. Географическое местоположение будущего города давало большие преимущества не только для мореходства, но и для хозяйственно-экономического развития колонии, в частности для рыболовства [1, с. 2303]. Два основных источника, Антиох и Эфор, которые послужили базой для большинства последующих исторических свидетельств, единодушно сообщают, что вновь прибывшие не основали новую колонию, а поселились на территории, уже занятой местным варварским населением [Herod., I, p. 168]. При описании этого события источник дает словосочетание «κτίζουσι τὴν τάραντα». Глагол «κτίζειν» не равнозначен здесь термину «новое основание». Его, скорее, следует понимать в том смысле, что колонисты пришли в уже существовавшее поселение [2, с. 4]. Это подтверждается и изречением Дельфийского оракула: «Сатирион тебе дал и тучные нивы Таранта, чтобы там поселившись, стал ты грозой япигов» [Strab., VI, p. 280].

В какую же культурную среду попали переселенцы и как сложились их отношения с соседями-варварами? Чтобы ответить на первую часть этого вопроса, обратимся к археологическим данным и письменным источникам. Что касается археологии, то находки, обнаруженные в окрестностях Таранто, свидетельствуют о том, что данная местность была заселена начиная с эпохи неолита. Мы же коснемся периода средней и поздней бронзы.

В среднем и позднем бронзовом веке население тарентийской зоны принадлежало к так называемой апеннинской культуре, представители которой занимались скотоводством, а позднее и земледелием. Холм Коппа Невигата у подножия горы Гарган был заселен с раннего неолита до эпохи железа. Видимо, к поздней бронзе относится создание мощной оборонительной стены толщиной 6,3 м, возведенной из камня. Ей соответствует слой керамики апеннинской культуры. Поселение Пунто дель Тонно было окружено рвом шириной 5 м, здесь же найдены остатки построек, очевидно, жилых домов, к сожалению, плохо исследованных. Вместе с апеннинской керамикой найдена импортная микенская посуда, датированная 1400 г. до н.э. Вероятно, в XIV в. до н.э. население апеннинской культуры вступило в контакт с представителями культуры террамар [3, с. 90]. Первые исследователи рассматривали культуру террамар как универсальную для всей Италии эпохи бронзы. Наличие некоторых схожих элементов в обеих культурах заставило археологов

прошлого века относить их к одному народу. Террамарами (от *terra mara* – жирная земля) местные крестьяне называли невысокие холмы с черной землей, которая использовалась как удобрение. Раскопки показали, что холмы скрывают остатки небольших (1–2 га) укрепленных поселков, окруженных валом с деревянными конструкциями и рвом с водой. Жилища были приподняты над землей при помощи свай. Такое поселение обнаружено в 1899 г. на бугре Скольё дель Тонно, в северо-западной зоне Таранто, между морем и линией железной дороги [4, с. 23]. Свайная постройка (палафит) покоилась на менее многочисленных, менее глубоких и менее регулярных, чем обычно, опорах. Вместе с тем все сооружение представляет собой более развитый, чем в северной Италии, образец. Так, традиционные оборонительные сооружения и дорога, разделяющая поселок на две части, сделаны весьма тщательно. Просторные хижины состояли из крытого портика и кухни. Бронзовые артефакты, найденные археологами, в основной своей массе аналогичны североиталийским образцам, но присутствуют и новые формы. Некоторые фибулы напоминают микенские и мессенские предметы. В керамике наблюдается слияние керамических типов культур террамар и вилланова. Наконец, статуэтка из обожженной глины, видимо, происходит от соответствующих микенских образцов. Некоторые обнаруженные объекты представляют собой явный импорт. Так, в слое, расположенном выше тарентийской террамары, обломки микенской керамики соединены с обломками докоринфских ваз. На остальной части полуострова крупные микенские вазы найдены в Ориа, Мольфетто и на Коппа Невигата, но они редкие и поздние. Интереснейшая находка сделана в 1880 г. в тарентийском районе Борго Нуово (Borgo Nuovo) на *виа Кавур* (via Cavour) – в погребениях было обнаружено 350 ваз. Археологи разделяют всю найденную керамику на две группы: первая содержит миски и кувшины из черноватой глины, украшенные иногда насечками, а иногда изображениями; вторая включает кратеры и чашки, обожженные в закрытом огне и покрытые снова желтой пастой, на которой четко видны схематичные фиолетовые фигуры животных, геометрические орнаменты, треугольники и ромбы, прямые и зигзагообразные линии [4, с. 25]. Первую группу сравнивали с вазами Сицилии и Боснии, Лациума и Кампании, акцентируя внимание скорее на различиях с находками в Скоглюо дель Тонно и на Коппа Невигата, чем на сходстве с ними, что никак нельзя упускать из внимания. Сходство второй группы керамики

с протогеометрическими вазами Эгейского мира не подлежит сомнению. Керамический материал более позднего времени (так называемая апулейская геометрическая керамика) явно демонстрирует влияние Эгейды: на юге – амфоры с ручками, у которых так называемые коленные чашечки сохраняют некоторые элементы примитивной орнаментации и имитируют родосский стиль; в центре – более классические образцы: на кратерах и чашах видны отпечатки гребенки и свастика, красные и белые треугольники, аналогичные тем же на коринфских образцах; северный тип – наиболее необычный и перегруженный украшениями: солонки с поднятыми руками, нагромождение красных и фиолетовых ромбов, квадратов и параллелограммов. Все эти особенности в найденном археологическом материале позволяют сделать вывод о сильном влиянии Эгейского мира на обитателей области будущего Тарента, а уникальное природное окружение, несомненно, привлекало внимание окрестных варварских племен к данной местности [4, с. 26].

Обращаясь к письменным источникам, следует отметить, что со времен Геродота никогда не было единого мнения относительно этнической картины Италии, в особенности ее юга. Древние авторы упоминают восемь различных племен: япиги, мессапы, певкеты, давны, педикулы, калабры, саллентинцы, апулийцы. Нет согласия ни о значении границ, ни о происхождении народов, ни о ходе племенных перемещений. Еще Т. Моммзен думал о едином итальянском народе, состоящем из апулийцев и мессапиев. Но подобная точка зрения не получила поддержки исследователей [4, с. 11].

Говоря об этнической картине юга Апеннинского полуострова, необходимо уяснить значение некоторых терминов. Термин «япиги» – наиболее древний и содержательный из всех. Многочисленные авторы применяют его ко всей совокупности жителей полуострова. По Эфору, япиги занимали Кротон [Strab., VI. 2, p. 262], а согласно Страбону – оставили свое имя трем соседним отрогам [Strab., VI. 1, p. 261]. Вместе с тем большинство авторов разделяют область на три района: мессапы занимали юг до Тарента и Брундизия, певкеты – середину, до Сильвиума и Бар до Ауфиды, давны – север. Интересен отрывок из Полибия, по которому япиги и мессапии сообща должны выставить для помощи Риму в его борьбе с Ганнибалом 50 тыс. пехоты и 16 тыс. всадников [Polyb., III. 88. 4]. Впрочем, различие было отмечено совокупной цифрой. Полибий также разделяет япигов на мессапиев, певкетов и давнов. Фукидид рассказывает, что во время экспедиции в Сицилию Демосфен и Эвримедонт заходили в порт около Херадских островов (в заливе Таранто), у Япигии: «Затем они отплыли оттуда и пристали к Херадским островам у Япигии, где приняли на борт около 150 япигских метателей дротиков из племени мессапиев. Они возобновили старинный союз

с тамошним властителем Артой, который предоставил им этих метателей дротиков, и прибыли в Метапонт в Италию» [Thuc., VII. p. 33]. Возможно, что это упоминание о двух различных народах, и следовательно, вероятно такая версия перевода: «Они пустились в путь на своих кораблях с некоторым числом стрелков, пятьюдесятью япигами и сотней народа мессапиев». Между тем согласно грамматическим правилам древнегреческого языка конструкция « $\pi\epsilon\upsilon\tau\acute{\eta}\kappa\omicron\nu\tau\alpha\ \kappa\alpha\iota\ \acute{\epsilon}\kappa\alpha\tau\acute{o}\nu$ », которую дает источник, вполне обыденна и не должна толковаться как набор разных чисел. Несколькими главами ниже те же самые стрелки обозначены под одним именем – япиги, наконец, Арта, призванный афинянами, есть царь «мессапов в Япигии» [4, с. 13]. По мнению Антонина Либералиса, Никандр рассказывал, что герои Давн, Певкет и Япиг «завоевали район вместе с наемниками «иллирийскими мессапиями» [4, с. 14]. Эта басня сообщает о происхождении япигов от иллирийских мессапиев и очень напоминает аналогичные легенды о появлении других этносов. Данные легенды обычны для древней ментальности и являются не только отражением реальных событий, но и стремлением древнего человека к конкретной четкой родословной, восходящей к веку «богов и героев».

Язык страны был назван мессапийским. Он походит на язык тех же иллирийцев, от которых происходят япиги. Большинство надписей из района Тарента и Брундизия (Бриндизи) – надгробные эпитафии, содержащие имена собственные. Есть надписи на сосудах, базах статуй и пр. Всего в распоряжении исследователей сейчас около 200 надписей. В них обнаруживается сильное влияние этрусской культуры, хотя встречаются и греческие имена [5, с. 74]. На первый взгляд наиболее логично присоединиться к Страбону и Диону Кассию, которые фактически ставят знак равенства между япигами и мессапиями. Как же в таком случае можно объяснить двойное имя этого народа? По словам Страбона, имя мессапиев было дано им греками [Strab., VI. 3, p. 277]. Предпочтительнее прибегнуть к этимологии: Μεσσαπία – страна, расположенная посреди воды. Древние авторы, таким образом, подчеркивают островное или полуостровное место жительства данного этноса. Закономерным в данном случае будет следующий вывод: «мессапии» – это не только географический, но также и этнический термин. Так мы удовлетворим обе версии происхождения япигов – и Страбона, и Геродота. Мессапии, видимо, представляли собой определенную группу иллирийских племен или, что вернее, одно племя, активно участвовавшее в боевых действиях на территории Эллады в качестве наемников. Вместе с тем рассмотренная нами ситуация напоминает историю со словом «викинги», которым обозначались все жители скандинавского полуострова вне зависимости от их племенной принадлежности. Пожалуй,

здесь можно провести определенные параллели и трактовать слово «мессапы» как «жители страны посреди воды», с оттенком морского разбоя и наемничества. Налицо слияние этнического, географического и профессионального значения.

Страбон приписывает грекам создание этнонимов певкетов и давнов [Strab., VI. 3, p. 281]. Предполагают, что слово «*πλευκῆτιοι*» происходит от «*πλευκός*» – сосна. Певкеты появляются как самостоятельный этнос с V–IV вв., вступая в союз с япигами, затем сражаясь против мессапиев. Страбон уподобляет их педикулам [Strab., VI. 3, p. 282]. Что касается давнов, то они могли составлять часть япигов, так как не выступали ни за них, ни против. Давны воевали с мессапиями на стороне певкетов и могли быть родственниками народу, который в 524 г. до н.э. двигался против Кум [4, с. 15]. Показательно, что япиги, певкеты и давны неоднократно упоминаются как противники мессапиев. Это еще один довод в пользу нашей версии о мессапиях как о народе, занимающемся в рассматриваемую нами эпоху наемничеством и пиратством. Если суммировать все версии об изначальном месте проживания предков вышеперечисленных племен, то существуют критская, беотийская, локридская, иллирийская и итальянская версии их происхождения.

Нетрудно заметить, что первые три версии во многом основаны на значении слова «мессапии», которое выше подробно было нами разобрано. Сопоставляя данные разных источников, можно прийти к следующему выводу относительно происхождения варварских племен, населяющих тарентинскую зону: в своей этнической основе япиги – иллирийцы, к которым в процессе их миграционного движения присоединялись отдельные «ударные отряды» критского, беотийского и локридского происхождения. Имело место и взаимное смешивание пришельцев и местных племен. Певкеты и давны, видимо, прибыли сюда позднее, получив примесь местных итальянских элементов. По всей видимости, пиратские набеги мессапиев, после того как произошло закрепление пришельцев на захваченной территории, продолжались еще в течение некоторого времени. Это может объяснить указание античных источников на то, что певкеты и давны воевали с мессапиями в союзе с япигами, и лишний раз подтверждает всем известную аксиому о том, что наемникам все равно, кого грабить. Говоря об эллинских элементах, нельзя упускать из виду и контакты с Родосом, о чем свидетельствуют археологические источники. Немецкий историк А. Доле в своей работе приводит убедительные доказательства и о присутствии финикийского элемента на месте будущего Тарента [2, с. 17].

Таким образом, в силу сложившихся исторических, географических, этнополитических и экономических условий Тарент мог существовать и развиваться, только отражая внешнюю агрессию. Причем, как видно

из исторической ситуации, противниками Тарента являлись не только варвары, но и греки. Юстин и Страбон рассказывают, что япиги, изгнанные парфянами, отступили к Брундизию, признав себя побежденными на большей части промежуточной территории [Strab., VI. 3, p. 282]. Тарентинцы должны были развиваться быстрее, чем прибрежные районы юго-востока Италии, расположенные вдалеке от торговых путей в Элладу.

Основные сведения о дальнейших взаимоотношениях Тарента и окрестных варварских племен основываются на скудных заметках Геродота, Страбона, Диодора и Аристотеля.

Хотя за этот период нет сообщений относительно благосостояния Тарента, следует согласиться, что город, хотя и преуспевал, все-таки отставал в своем развитии от соседних Сибариса и Кротона. Создается впечатление, что несмотря на выгодное географическое расположение жители Тарента либо не осознавали этого преимущества, либо не хотели им пользоваться в полной мере. Тарентинцы стремились, в соответствии с привычкой дорийцев, скорее к расширению своей территории, чем к развитию торговых отношений. Вследствие этого они втянулись в постоянную борьбу с япигами, которые были воинственным и храбрым племенем. Эти войны сдерживали подъем торговли и ремесел, которые затем составят базу для величия и процветания Тарента.

Япиги являлись самым сильным противником Тарента. «Тарентинцы и япиги, – пишет Диодор, – в спорах о своих границах проводили некоторое время в столкновениях и набегах» [Diod., XI, p. 52]. Тарентинцы однажды взяли у япигов их город Карбину и совершили насилие над женщинами, укрывающимися в храмах. За это святотатство Зевс поразил их молнией, и, чтобы отвести его гнев, они совершили богослужение Зевсу Катаибату. Итальянский историк Чиачери отвергает это сообщение Афиня как легендарное под тем предлогом, что название города не восстанавливается в древности и, по словам Исихия, «*καρβίνα*» равносильно «*βαρβαρικά*». Однако П. Виллиме опровергает мнение Чиачери, утверждая, что «*καρβίνα*» есть искаженное слово «*καρβαῖος*», которое обозначало финикийцев, а то и просто варваров. С другой стороны, неизвестный географ из Равенны отмечает около Бринда город *Carbinium*, или *Carpinium*, который можно отождествить с современным Карвиньо, находящимся на расстоянии 25 километров от Тарента [4, с. 54].

Тарентинцы, победившие мессапиев, воздвигли в Дельфах статую из бронзы, которая, согласно Павсанию [Paus., X, 10,6], изображала всадника и пленных женщин, изваянных Агеладом из Аргоса. Немецкий антиковед П. Лоренц датировал его 468 г. до н.э., но Агелад работал уже в 520 г. над скульптурой атлета в Таренте, поэтому нет никаких оснований для

такой ранней датировки этого памятника [4, с. 54]. Монумент в Дельфах был отчасти восстановлен при раскопках между амфитеатром аргосцев и сокровищницей Сикиона.

Возрастание конфронтации вынудило обе воюющие стороны к поиску союзников. Япиги попросили помощи у соседей-певкетов, и их коалиция стала располагать силами в количестве около 20 тыс. человек. Тарент же обратился за помощью к Микифу, сыну Хойра, тирану Регия, обязавшему регинцев к участию в военных действиях [Herod., VII, 170]. **Поразителен** этот союз между двумя городами Великой Греции. Однако он имеет множество причин – политических, экономических, этнических. Но решающим фактором для установления союзнических отношений оказалось опасение правящей верхушки обоих городов возраставшей мощи Сиракуз, которые в 477 г. до н.э. захватили халкидские колонии на Сицилии – Катану и Леонтины. Чтобы противостоять Сиракузам, Микиф предпринял самостоятельную экспансию. Регинцы захватили Пиксос на тирренском берегу. Одновременно оживились торгово-экономические связи Регия и Тарента. П. Виллемье считает, что кампания продолжалась некоторое время и окончилась только в 467 г. Элиан рассказывает, что регинцы наложили на себя день поста в одну декаду, чтобы снабжать Тарент, осажденный афинянами [4, с. 56]. **Упоминание афинян** здесь неожиданно. Можно допустить, что Афины возобновили союз с мессапиями, однако афиняне не могли вести активных действий в Великой Греции по крайней мере в период от изгнания Фемистокла (472 г.) до битвы при Евримедонте (468 г.), которая завершила эпоху греко-персидских войн. Можно предположить, что автор или переписчик подменили название мессапиев афинянами, возможно, это было связано с тем, что неудачное ведение войны вызвало в Таренте изменение государственного устройства по образцу афинской демократии.

По словам Геродота, тарентинцы потерпели неудачу около городов, основанных япигами [Herod., VII, 170], а согласно Диодору решительное сражение имело место рядом с Тарентом [Diod., XI, 52]. **Битва** была ожесточенной. Варвары нанесли эллинам сокрушительное поражение. Регинцы потеряли убитыми 3 тыс. человек, и нельзя сосчитать потерь тарентинцев. По свидетельству Диодора, часть тарентинцев

была истреблена, когда они уже обратились в бегство. Вместе с тем Диодор рассказывает о том, что варвары даже захватили Регий. Немецкий историк А. Доле датировал это сражение 473 г. до н.э. [2, с. 24], но можно согласиться с П. Виллемье в том, что эту дату следует отодвинуть до 468 г. до н.э. Причиной этого служит отречение от власти Микифа, сына Хойра, уже упоминавшегося тирана Регия, которое произошло в 467 г. до н.э. [4, с. 57]. **Оба города – и Тарент, и Регий – чеканили на своих монетах оливковый венчик как знак демократического образа правления.** Вполне резонно сопоставить отречение Микифа, установление демократии в обоих городах и отсюда вывести год сражения. Между тем Тарент скоро взял реванш, о чем свидетельствует второе подношение в Дельфы. Павсаний приписывает авторство монумента Онату из Эгины и другому скульптору Калинфосу, имя которого испорчено и более нигде не приводится [Paus., V, 27, 8]. **Его создание можно отнести примерно к 460 г. до н.э.** Несомненно, реванш был взят ранее этой даты, и вполне возможно, что он произошел практически сразу после установления демократии. Множество фрагментов, открытых на верхней плоскости Священной Дороги, около треножника платейцев, несут следы надписи, которая была выгравирована в IV в., **как и надпись первого подношения.** По свидетельству Павсания, памятник представлял группу всадников и пехотинцев, среди которых Опис, царь япигов, пришедший на выручку певкетам, распростерт на земле перед Тарасом, Фаланфом и дельфином [Paus., X, 13.10]. **Выбор сюжета** свидетельствует о важности победы, которая отразилась и в нумизматике города – на новой монете появилось изображение всадника.

В результате долгой и кровопролитной войны Тарента и варваров, которая длилась, то вспыхивая, то затухая, в течение периода от основания города до 60-х гг. V в. **включительно, Тарент так и не добился** полного контроля над Апулией. Мессапии заключили союз с афинянами и продолжали сопротивление. Тарентинцы, правда, покорили певкетов и фактически развалили варварскую коалицию. Это позволило им впоследствии покорить и мессапиев. Разгром тарентинцев варварами, изменение государственного строя и последующий реванш знаменуют конец определенного периода тарентинско-варварских отношений.

Библиографический список

1. Weinstock, S. Tarentum / S. Weinstock // RE. Bd. IV. Hbhd. 8. – Stuttgart, 1932.
2. Geschichte Tarents bis auf seine Unterverfung unter Rom / A. Doehle. – Strassburg, 1877.
3. Монгайт, А.Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века / А.Л. Монгайт. – М., 1974.

4. Willeumier, P. Tarente des origines б la conquete romaine / P. Willeumier. – Paris, 1939.
5. Немировский, А.И. История раннего Рима и Италии / А.И. Немировский. – Воронеж, 1962.